

Геополитическая миссия Русской православной церкви

Анна Клименко

Если задуматься, что явилось первой русской геополитической концепцией, т.е. идеей целостного самовосприятия по отношению к окружающему миру, то окажется, что именно Церковь и православное вероисповедание стояли у истоков российской геополитики.

Эти истоки – в условиях монголо-татарского ига и угрозе католических орденов с Запада – подготавливали Русь к сплочению и делали выбор мировоззренческого самоопределения жизненно необходимым. Фактором сплочения и укрепления стала православная вера.

Падение в XV в. Византийской империи – казалось бы, незыблемого центра православного мира, Второго Рима – подвигло Московскую Русь на преемственность. Фактически после падения Византии Московия оставалась единственным политически независимым государством, исповедовавшим православие и осознававшим ответственность за его сохранение. Квинтэссенцией мироощущения об ответственности за его хранение и стала идея псковско-

го старца Филофея «Москва – Третий Рим». Идея о «Третьем Риме» рассматривалась как Российское государство (с центром в Москве) и как православный мир в целом, сосредоточенный после падения Константинополя в Московском княжестве¹.

Духовная преемственность от раннего христианства (Первого Рима, в котором родился Иисус Христос и начали проповедь апостолы) и Византии (Второго Рима) дала Московской Руси право называть себя

КЛИМЕНКО Анна Николаевна – аспирантка МГЛУ, кафедра теории и истории международных отношений. *E-mail:* geopolis@mail.ru

Ключевые слова: геополитика, Русская православная церковь, Третий Рим, революция, СССР.

защитницей и покровительницей вселенского православия². Эта идея задала тон русской геополитической традиции и сформировала Россию как культурно-исторический тип².

В средневековой Руси нравственная высота учителей Церкви и общая религиозность общества приводили к особому виду управления государством – симфонии властей. Воспринятый от Византии, на Руси этот идеал согласия духовной и светской власти нашёл благодатную почву для развития. Можно сказать, что Церковь несла не столько геополитическую, сколько сугубо духовную миссию – вразумления и духовного окормления светского государя. Цель и у светского, и у духовного управления была единой: сохранение православного царства и приведение народа к Царству Божию³.

Раскол Церкви в XVII в. и правление Петра I сильно поколебали воспринятый идеал. В так называемый синодальный период роль Церкви изменилась. Начиная с Петра I и вплоть до 1917 г., избрание патриарха заменялось назначением главой РПЦ светского лица – обер-прокурора. Гармония, симфония уступил место новому типу взаимоотношений – подчинению и осуществлению новой миссии Церкви, в первую очередь геополитической. Другими словами, Церковь стала инструментом, выполняющим государственную (уже не духовную, а абсолютно земную – политическую) задачу – задачу сплочения народов разных национальностей в условиях расширявшейся империи. На специфику этого процесса

указывает как массовое крещение, зачастую без какого-либо учения и духовного воспитания, так и мотивы для крещения: либо льготы и выгоды, либо угрозы и насилие⁴. Так, расширение и укрепление империи совпало с её христианизацией.

Конечно, важно сказать об одном существенном моменте. Синодальный период, в частности XIX в. (который и подготовил приход революции 1917 г.*), – это век императорской Церкви, «служанки» государства, религиозного «министерства». Но XIX в. – это и век великих духовных подвижников, ушедших от славы, избегавших зависимости от светской власти: это преп. Серафим Саровский, св. Игнатий Брянчанинов, Феофан Затворник, великая плеяда оптинских старцев и многие другие.

Согласившись на геополитическую миссию, но поставив её выше миссии духовной, РПЦ постепенно утрачивала свой высокий авторитет. В истории падение нравственного уровня Церкви (духовенства) всегда приводило к снижению духовности в обществе в целом. Так было и на этот раз: во второй половине XIX – начале XX в. произошёл глубокий духовный кризис Церкви⁶. Народ разочаровывался в представителях духовенства, которые часто были некими церковными «чиновниками» на местах, и отворачивался от Церкви.

Святой Феофан Затворник так охарактеризовал этот период: «Одно из величайших зол – полицейская приказническая форма в делах церковных. Она всех охватила и всех закалила северным холодом, и жизнь замерла. Присмотритесь: у нас нет отцов в церкви, а

* В своей работе «Три столицы» русский религиозный философ Г.П.Федотов сравнивал империю и революцию с отцом и сыном⁵.

что-то страшное, надзирательное, судебное. Потому от отцов не течёт к детям свет и тепло – и дети стоят спиной к отцам»⁷.

На этой почве родились два взаимосвязанных и взаимодополняющих процесса.

Первый – это отношение к вере как к пережитку старины, как к совокупности обрядов, выполняемых либо по традиции, либо из суеверия.

Показателен случай с венчанием писателя и критика В. Боткина, описанный А. Герценом в «Былом и думам», когда священник, сам себя будто бы чувствуя неловко, сказал Боткину: «Вы извините: обряды-с – я весьма хорошо знаю, что христианский ритуал сделал своё время...»⁸.

Второй процесс – это увлечение западными идеями социализма, анархизма, атеизма, особенно в среде студенчества и интеллигенции.

Атмосфера этих настроений показана Ф.М. Достоевским в его романе «Бесы», который можно считать пророческим: он пронизан чувством отступления народа от веры. Социализм казался реальным разрешением многих проблем народа, от которого власть и интеллигенция отвернулись в сторону Запада. Официальная же Церковь закрывала глаза на усугублявшееся противоречие между реальной социальной несправедливостью и теми евангельскими ценностями, к которым было призвано русское общество⁹.

Револуция 1917 г. стала кульминацией духовного кризиса Российской империи и РПЦ. С приходом новой власти началась волна гонений на Церковь. Но вот какой парадокс был выявлен в атеистический период российской истории: если обласканная Церковь под покровительством светской власти (периода им-

перии) духовно расслабилась, что и вызвало разочарование народа, то гонимая Церковь в ответ на первые же декреты новой власти заняла активную позицию и тем самым вернулась к своей духовной миссии. Но выполнять её пришлось уже не в симфонии, а в антисимфонии по отношению к светской власти.

Само избрание нового патриарха, незадолго до революции, уже происходило в условиях антирелигиозных настроений, и Церковь, вставшая на защиту традиционного уклада русской жизни, оказалась обречена на роль противовеса. Не прекращавшиеся гонения на верующих и крушение святых ставили под вопрос само физическое существование Церкви.

В свое время именно Церковь закладывала культурные и мировоззренческие основы русской самобытности, и вот после 1917 г. исчезла духовная «сонливость» синодальной Церкви периода империи, которая благоприятствовала проникновению столь, казалось бы, немислимой для России идеологии как марксизм.

Революция пробудила духовные силы Церкви, которая с 1917 г. встала на путь горячего исповедничества и мученичества за веру.

19 января (1 февраля) 1918 г. появилось первое послание патриарха Тихона верующим («Послание к архипастырям и всем верным чадам Русской Церкви»). В нём патриарх назвал антирелигиозную деятельность новой власти гонениями на Церковь и предал анафеме тех, кто мучил и убивал невинных людей либо принимал участие в мероприятиях, направленных против Православной церкви.

В реакции патриарха Тихона видно наследие Филофея и других деятелей Русской церкви (таких как преп. Сергей Радонежский, митрополит Московский Филипп, патриарх Гермоген др.), которые в русской истории слу-

жили одному и тому же идеалу: духовно наставлять правителя, быть защитником Церкви. Этот идеал был неотъемлемой частью концепции симфонии властей.

Тихон совершил главное: он открыто говорил об отходе от русских (с национальной точки зрения), христианских (с духовной точки зрения) традиций, которые впервые за многовековую историю России были попораны новой властью. Советскую власть патриарх обличал, призывал её опомниться и прекратить пролитие крови, заклиная всех «верных чад Православной Церкви <...> не вступать с таковыми извергами рода человеческого в какое-либо общение...»¹⁰.

Надо сказать, что по силе своего общественного влияния лишь Церковь была способна стать противником существующей власти. И то, что Церковь в лице патриарха выразила неприятие политики новой власти и объявленных ею целей, сразу поставило патриарха в положение врага. Церковь сама себя ставила под удар. Замалчивание, поощрение и(или) заискивание перед властью, навязывающей атеистическое мировоззрение, свидетельствовало бы о том, что Русская церковь утрачивает свою сущность.

В первые послереволюционные годы советская власть действовала, руководствуясь положениями, заложенными в Декрете об отделении церкви от государства и школы от церкви. Именно в контексте этих реалий необходимо оценивать тот компромисс, на который в дальнейшем пошёл патриарх Тихон и сменивший

его митрополит Сергей*. Понимая, в каких условиях находилась Церковь и что ей угрожало, неправильно оценивать компромисс с государственной властью как слабость или предательство. Это была вынужденная мера ради ослабления репрессий и ради физического спасения Церкви.

В середине – конце 30-х годов происходило постепенное осознание разрушительности политики, не опирающейся на национальную самобытность. И хотя 1937 г. – это год самых страшных репрессий¹³, но это была последняя чёрная волна, захлестнувшая страну перед новым этапом в жизни СССР и РПЦ.

О потеплении государственно-церковных отношений свидетельствуют газетные статьи (журналы «Историк-марксист» и «Безбожник» от 1938 г. и др.), фильмы («Александр Невский», 1938 г. и др.).

В 1941 г., после начала Великой Отечественной войны, в своём первом обращении к народу, И.В. Сталин произнёс символические слова: «Товарищи! Граждане! Братья и сёстры!» – тем самым недвусмысленно соединив Церковь и власть, атеистов и верующих перед лицом общего врага, осознав необходимость патриотизма на исторических ассоциациях... согласно которым народные массы объединялись на основе общей веры¹³. При этом митрополит Сергей в первый же день войны написал «Послание пастырям и пасо-

* Указ «О стране Российской и властях ея», в котором патриарх Тихон более не противопоставлял себя советской власти и даже вводил поминовение её во время богослужения; «Обращение временного патриаршего синода» (известное как Декларация 1927 г.), в котором митрополит Сергей (Страгородский) объявлял: «Мы хотим быть Православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой – наши радости и успехи, а неудачи – наши неудачи»¹¹.

мым Христовой Православной Церкви», которое было разослано во все республики СССР, во все приходы и читалось после богослужений.

Так, геополитическая миссия РПЦ на время Великой Отечественной войны совпала с миссией государства – защитить, отстоять Родину. В 1943 г. вышло постановление Архиерейского собора «Осуждение изменников вере и отечеству», которая приравнила измену Родине измене вере. Такая формулировка миссии РПЦ представила идею «Москва – Третий Рим» в её первоначальном значении, согласно которому защита географического пространства России (Руси) совпадает с защитой границ духовных. В течение всей войны РПЦ осуждала дезертирство, сдачу в плен, сотрудничество с оккупантами, пораженческие настроения¹⁴.

На церковные средства были созданы эскадрилья «Александр Невский» и танковая колонна «Дмитрий Донской». Деньги на это собирались всем миром.

Церкви и монастыри не только организовывали сбор продуктов, одежды и т.д. во многих уцелевших монастырях устраивались госпитали, убежища, перевязочные пункты; монахи становились медсестрами и санитарками.

Духовенство на общих основаниях работало на трудовом фронте: рытье окопов, на колхозных работах и т.д. Почти 40 представителей духовенства были награждены медалями «За оборону Ленинграда» и «За оборону Москвы», более 50 удостоены медалей «За доблестный труд в Великой Отечественной войне»¹⁴.

Есть отдельные примеры активного участия священников в партизанской деятельности и на фронте¹⁴. Ужасные условия войны привели к возвращению народа к вере. Высшие офицеры, в том числе маршалы Шапошников, Толбухин, Говоров, Чуйков, Жуков, сочув-

ствовали духовенству. Уполномоченные Совета по делам РПЦ докладывали в ВКП(б) о многочисленных случаях посещения храмов военнослужащими¹⁴.

«Открывшиеся храмы превратились в центры русского национального самосознания, проявления патриотических чувств. Вокруг них сплотилась значительная часть населения»¹⁴.

Внутренние изменения были связаны с внешнеполитическим аспектом – демонстрацией положения Церкви в СССР в глазах союзников и для противодействия фашистской пропаганде.

Были выпущены роскошно оформленные книги «Правда о религии в России» (1942 г.) и «Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война» (1943 г.). Эти книги в короткие сроки были подготовлены и переведены на иностранные языки, напечатаны тиражом в десятки тысяч экземпляров и распространены в Европе, США, на Ближнем Востоке, а также преподносились на официальных мероприятиях духовенству и дипломатам союзнических стран.

Образ нового геополитического курса, в основе которого просматривались преемственность дореволюционной России, гармонично дополняли изменения в религиозной и политической областях.

В 1943 г. торжественно, с приглашением патриархов из Румынии, Болгарии, Сербии, Грузии, стран Ближнего Востока, был избран патриарх (впервые с 1917 г.). Им стал Алексий I; был распушен Коминтерн, «Интернационал», в котором пелось о «проклятьем заклемённом <...> мире голодных и рабов», был заменён на новый гимн, воспевавший «Великую Русь» и «Отечество наше свободное»; Указом Президиума Верховного Совета СССР в Красной армии вновь появились погоны, новая форма военнослужащих, ордена и медали и т.д., хотя в период революции и Гражданской войны они были символами белой армии.

К этому можно добавить обращение в официальной пропаганде к героическому прошлому страны и полководцам, прославившим Россию – Александру Невскому, Суворову, Румянцеву, Кутузову, Ушакову, Нахичеванскому и др.

Убедившись в огромном влиянии РПЦ во время Великой Отечественной войны, И.В.Сталин использовал его для расширения влияния геополитического СССР. Все началось с объединения православно-славянских народов вокруг личности Алексия I. И.В.Сталин «совершенно ясно предпочёл опереться на коллективное славянское самосознание, а не на солидарность рабочего класса...»¹³.

Уже в 1946 г. «Журнал Московской патриархии» связывал текущую религиозную политику с идеей «Москва – Третий Рим», причём с антикатолическим акцентом. «...наша родная церковная жизнь <...> определённо выполняет не только свою внутреннюю, идейную миссию по религиозно-нравственному воспитанию нашего народа, но и <...> выявляет своё всемирно-историческое призвание, объединяя весь православный мир и все славянские народы <...>. "Москва – Третий Рим" остаётся по-прежнему символом всемирной собирательной идеи, в противовес папству...»¹⁵.

В конце 40-х годов доминировала геополитическая концепция соединения всех православных христиан (Восточной Европы, Балкан, Ближнего Востока) под эгидой Московского патриархата как противовеса Ватикану. Кульминацией в плане создания системы православного единства стала организация Всеправославного совещания в 1948 г. Собрались главы 11 из 13 автокефальных церквей (отсутствовали главы Иерусалимской и Кипрской церквей). По-

ложение советской столицы дало новое воплощение идее «Москва – Третий Рим» и новый импульс геополитической роли РПЦ. Соборное мнение было сформулировано в Обращении к христианам всего мира, суть которого сводилась к осуждению папства и деятельности Ватикана.

С одной стороны, задача сплочения восточноевропейских церквей с центральным местом Московской патриархии – была выполнена, но с другой – сплочение оказалось зыбким. Понимание того, что РПЦ зависима от госорганов, приводило к ослаблению её авторитета внутри православной ойкумены, а ряд первоиерархов, открыто выражая своё недоверие к РПЦ, задавались вопросом: достойна ли Церковь, несвободная в собственной стране, лидерства в православном мире?¹⁴

Приходится констатировать тот факт, что Русская церковь в рамках проекта И.В.Сталина, как и во времена Российской империи, была инструментом для реализации внешнеполитических задач, стоящих перед страной. Сложно оценить этот этап в истории РПЦ однозначно. Однако, как уже не раз показывала история, геополитическая миссия Церкви, в отрыве от миссии духовной, обречена на провал.

Но как и в период империи, Церковь имела как бы два лика, две ипостаси: одна – официальная Церковь, проводник геополитических задач государства, вторая – живущая совершенно по-иному. Если это мир старчества и духовного подвига, истинно святой жизни вдали от пышного Петербурга, то в советское время – это верность православию.

В конце 40-х – начале 50-х годов позиции Русской Православной Церкви на международной арене значительно ослабли. А государство, разочарованное в неудаче «право-

славного» проекта, вскоре (с приходом к власти Н.Хрущёва) инициировало новые гонения на Церковь, массовые закрытие храмов, мощную атеистическую пропаганду.

Если говорить о роли РПЦ в XX столетии, то эта роль была достойной. *Во-первых*, способствовала возвращению России к своей геополитической и национальной традиции, на основе идеи «Москва – Третий Рим». *Во-вторых*, несмотря на официальную атеистическую идеологию, Русская церковь сохранила христианскую религию, что является источником духовно-нравственных перспектив и геополитического потенциала Российского государства.

Примечания

- ¹ Синицына Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М.: Индрик, 1998. С. 10, 243, 23.
- ² Концевич И.М. Стяжание Духа Святого в путях Древней Руси. М.: Никея, 2009. С. 192.
- ³ Карташев А.В. Церковь. История. Россия. Статьи и выступления. М.: Прованс, 1996. С. 169–170.
- ⁴ Смолч И.К. История Русской Церкви 1700–1917. Кн. 8. Ч. 2. М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. С. 201, 202, 213, 231, 239, 257, 258.
- ⁵ Федотов Г.П. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 38.
- ⁶ Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). М.: Издательство Крутицкого подворья, Общество любителей церковной истории, 2005. С. 67–68; Одинцов М.И. Всероссийский Поместный Собор 1917–1918 гг.: споры о церковных реформах, основные решения, взаимоотношения с властью // Церковно-исторический вестник. 2001. № 8. С. 126.
- ⁷ Смирнов В. Падение Третьего Рима. Духовные основы возрождения Русского Православного Царства. СПб.: ИТД «Скифия», 2011. С. 161.
- ⁸ Цит. по: Чистяков Г. Путь, что ведёт нас к Богу. М: Центр книги ВГБИЛ им. М.И.Рудомино, 2010. С. 220–221.
- ⁹ Молотков А.Е. Миссия России. Православие и социализм в XXI веке. СПб.: ИД «Русский Остров», 2008. С. 177, 184, 185, 193.
- ¹⁰ Васильева О.Ю. Русская православная церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. М.: Изд-во Библейско-богословского института св. апостола Андрея, 1996. С. 24
- ¹¹ Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1927. № 188 (3122). С. 4.
- ¹² Емельянов Н. Оценка статистики гонений на Русскую Православную Церковь с 1917 по 1952 гг. (по данным на январь 1999 г.) // Богословский сборник. Вып. III. М.: Православный Свято-Тихоновский богословский институт, 1999. С. 271.
- ¹³ Каррер д'Анкокс Э. Евразийская империя: История Российской империи с 1552 г. до наших дней. М.: РОССПЭН, 2010. С. 306–307, 314–315.
- ¹⁴ Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). М.: Издательство Крутицкого подворья, Общество любителей церковной истории, 2005. С. 121–122, 137, 122–123, 124, 182, 320.
- ¹⁵ Антоний (Марценко), архиеп. Мои впечатления при возвращении на Родину // Журнал Московской патриархии. 1946. № 9. С. 56.